

Санникова Елена.

Оставшиеся без защиты

Я была в «Мемориале», когда узнала об убийстве Станислава. Не помню, как я добралась до Пречистенки. Увидела не припорошенную кровь на снегу, и только тут осознала, кого мы потеряли.

Первый раз я его увидела в июне 2002 года, когда адвокат Абдулла Хамзаев давал пресс-конференцию по делу Буданова, а Людмила Михайловна Алексеева и Светлана Алексеевна Ганнушкина представили нового адвоката, который только что вошел в дело, чтобы защищать интересы семьи Кунгаевых – Станислава Маркелова. Он произвел впечатление: молодой и энергичный человек, хороший адвокат, высокого уровня профессионал. После пресс-конференции мы поговорили о проблемах таких людей, как семья Кунгаевых (немногие семьи, пострадавшие от произвола «федералов», решаются добиваться правды в суде) и о том, как трудно этой правды добиться.

Потом мы встречались и на правозащитных конференциях, и в Движении за права человека, где был его офис. Говорили о проблемах Чечни, о взаимодействии адвокатов и правозащитников.

Я никогда не видела Стаса веселым, громкоговорящим, бесшабашным неформалом. Были ситуации, когда он был совсем другим – серьезным, вежливым, элегантным, деликатным. В декабре 2006 года на Всероссийском гражданском конгрессе, на секции по проблемам Северного Кавказа были предложены несколько резолюций, в том числе резолюция Маркелова. Я прочла ее внимательно, некоторые места мне не понравились, и, не предупредив Маркелова, активно раскритиковала ее. После этого он ко мне подсел, сказал, что с одной стороны я права, но и он тоже прав с другой стороны. Тот, кого я критиковала, поблагодарил меня за это!

Как теперь сохранить его наследие? Как продолжить его дело – защитить тех людей, дела которых вел адвокат Маркелов?

«Сначала я пережила тяжелый шок от этого страшного известия. Потом, когда пришла в себя, сознание оглушил второй удар: мы поняли, что остались теперь без защиты...»

Слово в слово я слышала эту фразу от двух разных женщин, не знакомых между собой и живущих за тысячи верст друг от друга. Одна – в Чечне, другая – на севере России. Одна чеченка, другая русская. И у той, и у другой – одно и то же горе: сыновья находятся в местах лишения свободы. Оба – без вины. И того, и другого защищал адвокат Станислав Маркелов...

«Только с появлением Станислава Маркелова у нас появилась надежда», – говорит Зулай Магомедовна.

«Станислав был первым адвокатом, который искренне и с душой подошел к делу защиты моего сына», – говорит Софья Ивановна.

О том, что в Чечне не существует никаких законов и родственники без вины осужденного чеченца рады и тому, что он не исчез, не пропал без вести, что живой, хоть и заключенный, об этом известно давно. Но вот и в российской глубинке получает срок молодой парень, не совершивший того, в чем его обвиняют – и, оказывается, это тоже обыденность, с этим свыклись и там. Удивляются наивности матери, убитой горем.

«Я не знала, что ни за что могут дать так много», – говорит Зулай Магомедовна.

«Я уверена была, что суд разберется и снимет с него обвинение», – говорит Софья Ивановна.

«Я спросила у судьи, почему сыну дали такой большой срок, ведь он ничего не совершал. Судья ответил: потому что статья у него такая», – рассказывает Зулай Магомедовна. У нее многодетная семья, двое детей приемных, на девочку-сироту, оставшуюся без родителей после бомбежки, Зулай не получала никакого пособия. Конечно же, ни дорогостоящих адвокатов оплатить, ни выкуп дать (который в Чечне часто запрашивают у родственников следствие и суд через посредников) она не могла. Надежд не было никаких, пока Астамир Мурдалов (отец похищенного и «исчезнувшего» Зелимхана Мурдалова) не посоветовал ей своего адвоката – Станислава Маркелова. Зулай поехала в Москву и заключила с ним договор. С тех пор Станислав стал не только адвокатом Заура Мусиханова, но и опорой, поддержкой, надеждой семьи. Он говорил и писал о деле Заура, подал жалобу в Европейский суд по правам человека – дело принято к рассмотрению. Он неоднократно хлопотал о переводе Заура в Чечню, получал немотивированные отказы, но продолжал добиваться еще и амнистии для Заура. С гибелью Станислава у Зулай не осталось надежд.

Софья Ивановна после вступления приговора в силу обошла в Москве все официальные и неофициальные инстанции, пока в офисе движения «За права человека» ее не свели со Станиславом Маркеловым. Именно в нем она нашла человека, способного не просто вести дело своего подзащитного, но сопереживать искренне и страстно, участвовать в деле активно и ревностно – не ради заработка, не ради славы, а повинаясь голосу совести и собственному обостренному чувству справедливости.

Кто теперь заменит адвоката Маркелова его подзащитным, которых по России – не один десяток?

Как привлечь внимание общественности к этим делам, как вырвать невиновных людей из цепких лап российского правосудия?

В деле Заура Мусиханова есть политическая подоплека, он осужден на 9 лет как боевик (не совершивший ни единого выстрела, не замешанный ни в одном преступлении). Дело его сфабриковано без малейшего намека на законность, но это – Чечня. Тысячи чеченцев томятся сейчас в российских тюрьмах по таким же сфабрикованным, бездоказательным

обвинениям, их положение в тюрьмах и лагерях заведомо хуже, чем у других осужденных, многие содержатся в условиях повседневной пытки, но к этому есть хоть какой-то общественный интерес.

А на что надеяться таким, как Софья Ивановна, у которой сына засудили без какого-либо политического подтекста, просто в дежурном порядке? Множество таких же несчастных, случайно подвернувшихся под руку, спокойно и хладнокровно, не разобравшись, приговаривают к непомерным срокам заключения наши суды – и мало кого это волнует.

Простая российская семья, отец шофер, мать педагог, единственный сын в семье... Алексей увлекался спортом, но из-за проблем со здоровьем поступить на спортивный факультет не удалось, сердечно-сосудистое заболевание стало и причиной отсрочки от армии. Алексей учился заочно в Институте информационных технологий, работал экспедитором у отца, сопровождал грузы на старом отцовском «КамАЗе». Посещал любимую девушку в общежитии, где, как и во многих других подобных рабочих общежитиях, случаются и пьянки, и драки, и поножовщины.

Как объясняет Софья Ивановна, суть первого эпизода, по которому осужден сын, состояла в том, что он вступился за девушку из необеспеченной семьи, у которой один парень вымогал деньги. Конфликт произошел на лестничной клетке общежития, Алексей толкнул обидчика в плечо, а случившийся здесь же некто Кобычев вмешался в ситуацию более усердно: дал обидчику по голове и жестоко наказал, засунув головой в мусорный контейнер.

Два месяца спустя ситуация повторилась... Свидетели показали, что видели, как Алексей удалялся по коридору до начала той злополучной драки, которая вспыхнула в компании после его ухода и в которой орудовал тот же Кобычев. Ответчиком за нее следствие и суд огульно назначили Алексея, и статья была более серьезная – «тяжкие телесные повреждения». К той драке Алексей никоим образом не причастен, однако «повесили» все на него. Так проще было суду и следствию.

Алексей Захламин не успел в своей жизни совершить ничего заметного, как-либо выделиться из своей среды, проявить чем-либо свой талант – и сколько таких сидит по тюрьмам и лагерям России без надежды быть услышанными, привлечь внимание к убийственной несправедливости в своей судьбе, получить сочувствие и помощь. Алексею был 21 год на момент ареста.

«Мы столько подлости и несправедливости претерпели, мы думали, что отзывчивых людей, способных понять наше горе, просто не существует. И как же радостно было узнать, что такие люди есть, а значит, есть и надежда. С появлением Станислава Маркелова мы просто воспряли духом...»

Станислав Маркелов подключал к делу Захламина депутатов Государственной думы, заставлял родителей не унывать, анализировать ситуацию, думать, отвечать на вопросы, правильно формулировать аргументы. Два года назад он подал жалобу в Комитет по правам человека при ООН, для Страсбурга сроки были уже пропущены. Он заинтересовался ситуацией Владимира Щербакова, начальника 124-й Специальной лаборатории медико-

криминалистических исследований в Ростове-на-Дону.

«Щербаков был очень возмущен, изучая материалы дела, говорил, что все доказательства обвинения – сплошные мыльные пузыри и непонятно, на основании чего вынесен такой приговор», – говорит Софья Ивановна.

Знаменитый криминалист взялся провести детальную экспертизу по материалам дела и в ходе работы пришел к однозначному выводу, что ни к злополучной драке в общежитии Алексей Захламин не причастен, ни тяжких телесных повреждений потерпевший не мог получить, а потому и статья, предусматривающая большой срок, была избрана неверно. К такому выводу Щербаков пришел на основании изучения всех протоколов допросов и экспертиз по делу.

Последний раз Софья Ивановна приезжала в Москву для встречи со Stanisлавом Маркеловым в конце декабря. Он был искренне раздосадован ответом на свою надзорную жалобу из Верховного суда – отказом на том основании, что уже рассматривались надзорные жалобы по этому делу. Жалоба подавалась «по вновь открывшимся обстоятельствам», и Верховный суд обязан был ее рассмотреть.

«Наверно, нас так жестоко наказали потому, что мы с самого начала пытались добиться справедливости. Stanisлав Юрьевич сравнивал нашу ситуацию с тяжелой формой болезни, он говорил, что тут сложно что-либо сделать, но делать нужно, нельзя сдаваться и нельзя позволять, чтобы невиновный человек сидел».

За день до гибели Stanisлав Маркелов сказал Софье Ивановне по телефону, что со дня на день ждет окончательного экспертного заключения от Щербакова и будет с ним обращаться в Генеральную прокуратуру, а если и это не даст результата, он поедет в Архангельск и уже на месте попытается добиться справедливости.

Теперь увесистый том экспертизы Щербакова лежит мертвым грузом у Софьи Ивановны. Stanisлав убит. С ним убита и последняя надежда на восстановление справедливости, на малейший просвет в деле ее сына.

«Щербаков звонит нам из Ростова-на-Дону и спрашивает, когда же мы найдем нового адвоката. Он тоже близко к сердцу принял эту несправедливость. Но где нам найти такого адвоката, каким был Stanisлав Юрьевич?»

И действительно – где найти адвоката, который возьмется за это дело, не сулящее ни больших гонораров, ни пиара, возьмется с той же ревностью и энергией, с какой занимался им Stanisлав Маркелов?

А где найти адвоката, который протянет руку помощи Зауру Мусиханову и другим осиротевшим подзащитным Stanisлава, уже осужденным, уже отбывающим непомерные сроки заключения без всякой вины?